

ПАНОРАМА МИРОВОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Зарубежная философия сегодня

К 100-летию со дня рождения Поля Рикёра

28 – 29 мая 2013 г. в Москве, в Институте философии РАН состоялась Международная научная конференция, посвященная столетию со дня рождения выдающегося французского философа Поля Рикёра. Предлагаем вниманию читателей три статьи, написанные по материалам Конференции, а также ее обзор (см. с. 147).

Полностью материалы Конференции будут опубликованы отдельной книгой.

**АВТОНОМИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ, СПОСОБНОСТЬ:
РАЗМЫШЛЯЕМ ВМЕСТЕ С ПОЛЕМ РИКЁРОМ
ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ**

М. КАСТИЙО

Введение

В последнее время в области юриспруденции, этики и политологии особую остроту приобрела проблема права на идентичность, что побуждает к переосмыслению требования *автономии*. Возникает следующий вопрос: ведет ли утверждение личной, гендерной, этнической или религиозной идентичности к неизбежному нивелированию принципа автономии, или отказу от него?

Этот вопрос открывает несколько тенденций для размышления, которые мы классифицируем по степени сложности следующим образом.

– В эпоху постмодерна усиление стремления к личной идентичности может означать потворство безответственности и отношение к жизни как к процессу потребления материальных благ.

– Идеология личной или групповой идентичности может способствовать разобщенности культур и даже привести к их конфликту, стимулировать настроения релятивизма и нигилизма.

– В сфере общественных отношений стремление к идентичности может вызвать своего рода самоотрицание. Я самоутверждаюсь, принимая ту форму поведения, которой общество ждет от меня. Стараюсь

угодить другим, я сам начинаю считать навязанный мне образ жизни своей «подлинной» идентичностью.

В настоящее время эти проблемы актуальны для всех нас. Мы стараемся рассмотреть, как понятие способности, над которым работал Поль Рикёр, могло бы помочь нам преодолеть ряд сложностей, вызванных некорректным пониманием права на личную идентичность.

Идентичность «постмодерна» против модерности автономии

Смысл слов. Начну с цитаты: «Общество Нового времени было преисполнено духом победы, надежды на светлое будущее, веры в могущество науки и техники, оно сформировалось в результате разрыва родственных связей, утраты веры в священное, отказа от традиций и обособленности во имя торжества универсализма, разума и революционных преобразований. Эти умонастроения рассеиваются у нас на глазах, современные нам общества эпохи постмодерна развиваются по иному сценарию. Для сознания постмодерности характерны стремление к идентичности, обособленности, удовольствиям, быстрому достижению личного успеха. Человек утрачивает веру в светлое будущее, никто больше не рассчитывает на позитивные революционные перемены и прогресс, отныне каждый желает жить настоящим, получить все здесь и теперь, как можно дольше оставаться молодым, а не дожидаться формирования нового человека»¹.

Приведенный короткий фрагмент взят из книги французского философа Жюль Липоветского, опубликованной в начале 80-х гг. XX в. Аналогичной позиции придерживается американский социолог Дэниел Белл в своей работе «Культурные противоречия капитализма». Эти идеи оказали влияние на мировоззрение мыслителей эпохи постмодерна в области культуры и социальных отношений. Данную характеристику можно резюмировать следующим образом. Общество потребления зиждется на культе желания и немедленного удовольствия каждого индивида. Это означает, что отдельный человек с его стремлениями к уникальности и независимости становится важнейшим фактором развития экономики, а экономика оказывается обусловленной изменчивыми и разнообразными желаниями индивидов. Демократический индивидуализм меняет смысл: он все меньше соответствует героическому восхождению к личной свободе и ответственности и все больше является демонстрацией обособленности и разрыва с универсальными ценностями эпохи модерна.

В культуре автономии универсальность распространяется на индивидуальность: автономный субъект есть нечто большее, чем свободно действующий индивид, он является воплощением универсальной воли, и каждого отдельного индивида уважают за его приобщенность к универсальному. В культуре идентичности высшей ценностью становится обособленность, уникальность, т.е. процветание каждого индивида в культе собственной оригинальности.

Характерной особенностью гипериндивидуализма является обособленность от общества, дистанцирование, нежелание участвовать в социальных отношениях. Правовая система налагает на индивида определенные обязательства по аналогии со сферой потребления материальных благ; в обществе осуществляется частичное перераспределение благ за счет предоставления в случае фактического неравенства дополнительных прав, нейтрализующих его: так, например, для женщин иногда устанавливаются определенные привилегии, компенсирующие их дискриминацию (устанавливаются особые правила при открытии трудовых вакансий). Этот принцип распространяется даже на животных, за ними признаются определенные права, которые необходимо соблюдать, в том числе и права, защищающие животных от человека. В сфере юриспруденции принцип предоставления или перераспределения прав основывается не на идее свободы, трактуемой как преодоление естественного состояния и обретение автономии, а на понятиях причинения ущерба и страданий. Вот почему иной раз говорят о том, что движущей силой современной демократии является не столько дух рациональности, сколько сострадание.

По этой причине в размышлении над данной проблемой нам поможет учение Поля Рикёра. Возникает соблазн поддаться идее сострадания, побуждающей считаться с чувствами других людей, их страданиями и физической конечностью, неотъемлемыми свойствами удела человека. Разумеется, Рикёр прекрасно понимал, что мораль автономности носит абстрактный характер, и считал, что она не может полностью удовлетворять потребности реализации этической жизни личности, включающей в себя чувства и желания, благодаря которым мы становимся действующими субъектами истории. Его концепция человека могущего позволяет избежать путаницы между понятиями страдания и права на освобождение от ответственности и подмены понятия права на существование апологией гедонизма и эвдемонизма.

Когда философ рассуждает о человеке как о субъекте, *способном быть вменяемым*, он отстаивает значимость идеи автономии Канта: мужество признать собственную неправоту, мужество признаться в недостаточно решительном выполнении требования свободы.

Однако если понимать идею автономии как способность к действию, то это приведет к распространению проистекающих из этой идеи обязанностей на реальный мир. И тогда ответственность Я может быть связана с процессом самопознания и затрагивать также и неосознанное. Следовательно, идентичность можно трактовать как проект собственного бытия, охватывающий как неосознанное, так и отчужденное, которые тоже имеют отношение к созиданию Я. И в этом смысле психологическая составляющая личной идентичности может быть отличной от склонности к индивидуализации любой ценой. На самом деле можно стремиться к полному самоутверждению, включая и ту часть нас самих, которая остается неосознанной: исто-

рию нашего происхождения, представления о нашем Я других людей, образ нашего Я, формирующийся под влиянием внешних факторов, который мы воспринимаем как наши личные взгляды. Можно пожелать конституировать собственную идентичность, понимая, что она является таковой исключительно в качестве данности. И тогда, например, психоанализ не будет противоречить идее автономии и придаст ей дополнительный смысл: я могу желать принять основанные на отчуждении позиции идентичности, поскольку я сам придерживаюсь этого положения. Следовательно, идентичность является проектом, предполагающим ответственность, мужественный выбор автономии и отказ от абстрактной, сугубо легальной моральной позиции.

Аутентичность против автономии

Аутентичность. Другая проблема связана с противоречием между аутентичностью и автономией и сопутствующим ему риском превращения идеала идентичности в культурный релятивизм. Философ Чарльз Тейлор противопоставляет аутентичность автономии и характеризует аутентичность как утверждение каждым индивидом собственной уникальности: «Быть искренним перед самим собой означает оставаться верным собственной оригинальности... Таковы новый идеал и обоснование аутентичности, а также цели процветания Я или самореализации, которые чаще всего способствуют культивированию Я»². Хотя Тейлор квалифицирует расцвет Я в качестве моральной добродетели верности себе, он связывает автономию с неограниченным антропоцентрическим волюнтаризмом. В результате он приходит к выводу о том, что «аутентичность не следует и невозможно связывать со свободным самоопределением», потому что самоопределение подразумевает право господствовать над природой и доминировать в обществе в качестве единого закона, возвышающегося над индивидуальными различиями. Несколько удивляет то, что концепции Руссо и Канта трактуются как прецеденты политического авторитаризма: «И даже если принимать во внимание то, что Кант интерпретировал понятие свободы исключительно с позиций морали в качестве автономии, на самом деле он оказывается в одном лагере с такими мыслителями как Гегель и Маркс»³.

Апология различий ведет к культивированию релятивизма в культуре. Согласно Тейлору, нужно выйти за пределы традиционного светского либерализма, утверждающего, что государство должно сохранять религиозный и политический нейтралитет и заниматься исключительно защитой всеобщих прав человека как свободной личности. Тейлор считает, что нейтралитет государства делает нас невосприимчивыми к различиям и тогда необходимо признать, что задача либерального государства, если оно претендует на роль государства прогрессивного, состоит в том, чтобы суметь зафиксировать многообразие культурных и религиозных позиций и способствовать его сохранению.

Право на аутентичность является основанием для утверждения приоритетов в сообществе. Когда начинают подозревать, что универсализм идеи моральной автономии — это всего лишь частная позиция, маскирующаяся под всеобщий принцип⁴, Тейлор принимает вызывающую полемику стратегию противопоставления культурного и исторического релятивизма, являющегося наследием эпохи Просвещения: единство человечества, солидарность человечества оказываются по сути всего лишь стереотипами отдельной культуры — западной. Такая трактовка аутентичности является обоснованием конструктивной и позитивной версии культурного релятивизма. Тейлор не считает, что «все культуры равноценны», такая позиция могла бы привести к нигилистическому релятивизму. Философ утверждает, что «все культуры заслуживают равных прав»⁵, он формулирует идею нового прогрессизма, более совершенного по сравнению с прогрессизмом эпохи Просвещения, это идея усовершенствованной модерности, модернизации модерности как таковой. Поставив принцип равенства культур выше принципа равенства между отдельными людьми, он воплотил дух свободы еще более убедительно, чем это делали мыслители эпохи Просвещения, поскольку он сумел поставить под вопрос идеи Просвещения, обратив релятивизм против предрассудков, в данном случае — против предрассудка универсальности.

Как Поль Рикёр может нам помочь разрешить этот конфликт между уважением свободы каждого человека и уважением других культур? Французский мыслитель принимает, также как и Тейлор, идею необходимости опосредующей роли intersубъективности в осуществлении личной судьбы: Я не может существовать без других. Для того чтобы жизнь удалась, изначально требуется участие в ней также и другого. Я — это не абстрактный субъект, это стремление к благой жизни, имеющее свою историю. С точки зрения Рикёра нужно добавить к этому потребность в самоуважении, потребность в самооценке как личной, так и социальной, являющейся результатом признания со стороны других, и принимающей в расчет убеждения и память, присущие каждому человеку.

Особенно важным в учении Рикёра в связи с рассмотрением проблемы противоположности между универсальностью прав человека и особенностью его культурных предпочтений является именно его отказ от «идеологии различия» и отказ преобразовать этическое требование (признание другого) в идеологический принцип, служащий интересам сообщества или отдельных групп: «...идеология различия делает различия безразличными, нейтрализует дух критики, основывающийся на общих правилах дискуссии, но опирающийся на разные системы аргументации, проистекающие из различия исторических условий, в которых живут различные социальные группы»⁶.

Поль Рикёр не только раскрывает здесь свой талант философа-мировотворца, за который его ценили и иногда упрекали, он проявляет

здесь способность к свободе суждения и противостоит давлению доминирующих мнений и интеллектуальному авторитаризму. Он берет на себя обязанность обосновать различие между экзистенциальным и аффективным уровнями прожитого и юридическим и политическим уровнями требований права. Нужно совместными усилиями возвыситься до уровня аргументации чтобы задействовать одно из жизненно важных следствий демократии: диалог и взаимное формирование различных мнений в процессе свободной дискуссии, этическим основанием которой является доверие к другому, т.е. торжествует уверенность в том, что если мы ищем приемлемые для всех правила мирного сосуществования различных сообществ, то правовые методы и диалог представляются более эффективными путями решения проблем нежели конфронтация, ложь и насилие. В конфликте между универсализмом и интересами отдельных сообществ конечной целью является не победа одной из сторон над другой, а формирование диалектики взаимопонимания, созидание жизнеспособной и допускающей критику личной идентичности: «Мы точно обозначили два полюса: область усилия во имя самостоятельного мышления и сфера преобладания другого. Идентичность каждого человека, а, следовательно, его автономия разворачиваются в пространстве между двумя полюсами. Задача образования заключается именно в том, чтобы поддерживать непрекращающееся взаимодействие между требованием единичности и давлением со стороны общества направленным на восстановление того, что философия эпохи Просвещения называла миноритарным состоянием»⁷.

Идентифицирующее самоотчуждение

Тонкие сети. Третья группа проблем раскрывает отчуждающую функцию идентичности; это неявное и коварное искажение утверждения собственной идентичности в процессе идентифицирующих взаимоотношений с Я. Эти проблемы затрагивают новейшую эпоху и в особенности тех людей, которые знают лишь культуру идентичности в качестве единственного пути достижения самоуважения и самооценки. Когда идентичность каждого человека становится социальным ориентиром, привнесенным извне, субъективизация означает интериоризацию этого ориентира и стремление соответствовать ему. Другой подход к идентификации в обществе предполагает усвоение коллективных характеристик в условиях укрепления личной идентичности: «Вам остается лишь внутренне принять то, что вам дано как внешнее. Приобретаемые индивидом свойства становятся его неотъемлемыми особенностями и образуют личную идентичность по мере их освоения субъектом... эти различия, воспринятые на субъективном и интересубъективном уровнях и есть то, что позволяет человеку вступить в общественное пространство и занять там свое место»⁸.

Здесь социальная интересубъективность утверждается в качестве условия идентифицирующей субъективности, как если бы обще-

ственное пространство было сценой, на которой каждый должен был бы играть предназначенную ему роль. Так формируется признание: за человеком закрепляется статус женщины или гомосексуалиста, лидера или неудачника, трудного подростка или циника и т.п. Картография отдельных поступков, поощряемых или подлежащих порицанию, демонстрирует геополитику гражданственности. Положение иммигранта создает отчуждение (существуют лакуны религиозной принадлежности, которые описывают социологи), а также зоны дислокации рабочей силы — профессиональная адаптация дебютантов или лиц, меняющих свой статус. Наличие таких обособленных групп требует анализа причин их отчуждения.

«*Быть способным вступить в сферу символического*»⁹. В великой империи знаков идентичность — это не только то, чем она является, но и то, что она собой представляет. Недостаточно просто быть собой, нужно представлять это. Наша идентичность является также демонстрацией, свидетельством, способом вписаться, семиологией, дающей нам бытие в мире знаков, в символическом мире.

«Подлинное» Я — это личность, способная создать символическую реальность в пространстве коммуникации. Необходимо также создать мир языка, переход к образам, реальность, заявляющую о собственном бытии. Идентичность — это открытый всем образ, который каждый может сформировать самостоятельно, став автором образа себя самого, создающего смыслы.

Это требование общественной открытости драматизирует неспособность самовыражения и создания социального и человеческого неравенства нового типа, связанного с искусством овладения языком. Вот почему можно найти точки соприкосновения между идеей *способности* и идеей *повествовательной идентичности* (в том смысле, который Рикёр вкладывает в эти понятия), эти идеи могут стать решающими в современную эпоху.

Согласно Рикёру, повествовательная идентичность относится не к порядку знания, а к порядку действия. Рассказ — это подлинное единство, которое каждый человек может придать своей жизни, потому что жизнь человека динамична, изменчива, завершается смертью и остается незавершенной; рассказывать означает выражать понимание Я, которое конституируется одновременно и в качестве памяти (прошлое) и в качестве истории (готово осуществиться). Рассказ — это способность воссоздать прожитую жизнь в мире языка, возвести ее в ранг символической реальности. Я предлагаю трактовать концепцию Рикёра следующим образом: идентичность — это нарративная версия возвышения статуса нашего бытия до уровня символического бытия. Это означает, что человек в качестве наделенного речью субъекта должен сделаться понятным для других. По отношению к другому мы должны воссоздать наше бытие в понятиях, доступных для каждого. Если я могу надеяться на то, что сумею сделать мои

личные убеждения понятными для всех, я могу придать им смысл посредством повествования и личность, которую я представляю, — это персонаж, который понятен другим. Таким образом, я превращаю свои убеждения в символическую интеллигибельность, я становлюсь историей, которую другой человек воспринимает как написанный и неоконченный рассказ, открытый для интерпретации.

А значит повествование — это реализация идентичности посредством языка, поскольку идентичность конституируется в качестве непрерывного переписывания, она является «бесконечным исправлением предыдущего рассказа последующим»¹⁰, и «история одной жизни воссоздается посредством исправлений, внесенных на основе предшествующих рассказов»¹¹. Рассказ не просто позволяет вписать бытие личности в мир символов, подлежащих интерпретации, обсуждению и пониманию, он придает личной жизни каждого человека значение подлинной **нарративной реальности**.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Lipovetsky G. L'Être du vide.* — Paris, 1983.

² *Taylor C. Le malaise de la modernité.* — Paris, 1999. P. 75.

³ *Ibid.* P. 36.

⁴ *Ibid.* P. 64.

⁵ *Taylor C. Multiculturalisme. Différence et démocratie.* — Paris, 1994. P. 88.

⁶ *Ricœur P. La critique et la conviction.* — Paris, 1995. P. 89.

⁷ *Ricœur P. Le Juste 2.* — Paris, 2001. P. 96.

⁸ *Gauchet M. La religion dans la démocratie.* — Paris: Gallimard, 2000.

⁹ *Ricœur P. Le Juste 2.* P. 103.

¹⁰ *Ricœur P. Temps et récit.* — Paris, 1983 — 1985. P. 444.

¹¹ *Ibid.* P. 446.

Аннотация

В статье исследуется интерпретация понятий автономии и идентичности в концепции Рикёра. Автор рассматривает соотношение этих понятий в связи с изменениями общественной жизни и показывает, как учение Рикёра открывает новые перспективы изучения жизни современного человека в обществе.

Ключевые слова: Рикёр, автономия, идентичность, способность, повествование, символическое, свобода, самоопределение, культура.

Summary

The article explores Ricœur's interpretation of autonomy and identity. The author examines the correlation of these concepts in the light of changes in social life and shows how Ricœur's system opens new perspectives on the contemporary person's social life.

Keywords: Ricœur, autonomy, identity, ability, narration, the symbolic, freedom, self-determination, culture.

Перевод с французского О.И. Мачульской